

Гу Цзинлань, будучи племянником Императрицы Лу, с малых лет не раз бывал во дворце. Он тщательно перебрал в памяти воспоминания оригинала и убедился: в гареме не было никого, кто хоть отдаленно напоминал бы эту особу!

За последние два года император не проводил пышных отборов наложниц. Единственное, о чем доходили слухи, так это о прошлогодней южной поездке государя, откуда он привез одну женщину. Менее чем за год она совершила головокружительный взлет, получив титул Лань Чжаои.

Как только Гу Цзинлань вернулся из дворца, он немедленно отправил людей разузнать всё об этой новой фаворитке. Ее звали Су Цзиньхуэй, она была уроженкой Янчжоу. В июне прошлого года, во время инспекционной поездки, государь увидел ее и был настолько поражен красотой, что тут же забрал к себе, а в сентябре, по возвращении в столицу, пожаловал ей титул гуйжэнь.

В Обители Слушающего Волны Гу Цзинлань рассматривал портрет Лань Чжаои. Женщина на картине обладала тонким станом, изящными чертами лица и едва заметной улыбкой — она напоминала орхидею, скрытую в глубоком ущелье, чья красота была столь же далекой, сколь и притягательной.

Он нахмурился и, не раздумывая, сел перед зеркалом. Вглядевшись в свое отражение, он поразился: линии его лица на добрую треть повторяли черты женщины с портрета. Особенно глаза — эти чарующие фениксовы очи были точь-в-точь как у нее.

Вернувшийся слуга доложил:

— Как вы и приказали, я разузнал. Восемнадцать лет назад в семье Су из Янчжоу действительно была одна девица, отобранная в гарем.

— Старшая законная дочь тридцать восьмого поколения рода Су, Су Илань, прошла отбор и была удостоена титула Лань гуйжэнь. После кончины покойного императора, не имея наследников, она последовала за ним в загробный мир.

В сердце Гу Цзинланя зародилось смутное подозрение. Он приказал:

— Найди мне портрет той Лань гуйжэнь, что жила восемнадцать лет назад.

Если он не ошибался, та женщина, вероятнее всего, и была его родной матерью.

— Есть дела — докладывайте, нет — расходитесь! — прокричал распорядитель.

Желающих не нашлось, и Иньюань-ди объявил об окончании аудиенции. Он едва заметно

кивнул евнуху Ци, и тот, поняв приказ без слов, засеменял к выходу, перехватывая Герцога Вэй.

— Господин герцог, государь желает вас видеть, — шепнул он.

Лу Юй про себя усмехнулся: он знал, что так и будет. Только что в зале суда разгорелся жаркий спор о будущем Лу Цзяланя. По обычаю, выпускники академии должны были два года оттачивать мастерство в Академии Ханьлинь, прежде чем получить назначение на государственную службу. Но раз уж звание чжуанъюаня получил его, Лу Юя, законный сын, ситуация была иной.

Он не мог оставаться в стороне и предложил перевести сына в Министерство доходов. Однако отец Шуфэй, Министр чинов, тут же вступил с ним в полемику, заявляя, что чжуанъюань не может сразу занимать высокую должность, а должен отправиться уездным начальником, чтобы постичь нужды народа.

Его сестра, Императрица Лу, не имела сыновей, и мать Первого принца, Шуфэй, вечно враждовала с ней, что отражалось и на противостоянии Лу Юя с Министром чинов.

Как только министр высказал свое мнение, государь пришел в ярость. Он устроил разнос сторонникам Первого принца, которые вели себя слишком вызывающе, и отрезал: Лу Цзялань назначается придворным при императоре, возражения не принимаются.

Войдя в зал совещаний, Лу Юй встретился с императором, который сразу перешел к делу:

— Цзялань временно побудет придворным, завтра уже выйдет на службу. Передай ему это.

— Слушаюсь, государь.

Иньюань-ди добавил:

— В прошлый раз я видел, что Цзяланю стало лучше. Проследи, чтобы он не простудился снова.

— Я буду беречь Его Высочество... но...

— Что? — нахмурился император. — Говори.

— Перед уходом во дворец я спросил его, в каком из шести министерств он хотел бы служить. Он ответил, что деньги и продовольствие — основа жизни народа, поэтому желал бы в Министерство доходов... Теперь же...

Лу Юй был осторожен: перед Иньюань-ди он всегда называл своего третьего сына Его Высочеством, подыгрывая отцовским чувствам императора, тем более что этот юноша

действительно не был его сыном.

— Не обращай внимания на этого старого пса Гао Шэня, — император бросил на него холодный взгляд. — Раз Цзялань хочет в Министерство доходов, я сам его туда переведу.

Подумав о том, что с завтрашнего дня он сможет ежедневно видеть сына, который так долго был вдали, император заметно повеселел. Вспомнив о недавнем банкете, он добавил:

— Да, и насчет женитьбы Цзяланя не суетись. Я сам подберу ему достойную партию.

— Я не смею перечить воле государя, — почтительно склонился Герцог Вэй.

Вернувшись в поместье, Лу Юй сказал госпоже Чэнь:

— О женитьбе Цзяланя можешь не беспокоиться. Императрица сама хочет заняться этим вопросом.

Госпожа Чэнь глубоко вздохнула, подавляя гнев. Она была в ярости: Лу Цзялань не был рожден ею, но его объявили законным сыном герцога! Его одевали, кормили и поселили в лучших покоях, ущемляя права ее собственного сына! Все вокруг твердили, что герцог и госпожа-мать души не чают в младшем, но никто не видел, как она в бессильной злобе стискивала зубы.

Когда старшие сыновья женились, Императрица не проявила никакого интереса, а теперь, когда пришло время младшего, она вдруг решила вмешаться?!

— Раз вы так решили, я не стану вмешиваться, — ответила госпожа Чэнь. Ей было под пятьдесят, и последние годы наложили на ее лицо печать мрачного недовольства.

— Я знаю, что ты злишься, но не смей повторять того, что случилось с простудой! — рявкнул Лу Юй, теряя терпение.

В прошлый раз, когда Цзялань потерял сознание, он с трудом замял дело, выдав всё за обычную простуду, чтобы император не прогневался. Иначе весь род Лу поплатился бы головами!

— Если второй сын не сдал экзамены, значит, у него нет способностей. Не вымещай зло на третьем! — отрезал Лу Юй. — Впредь не лезь в дела Цзяланя, я сам буду ими заниматься.

Взмахнув рукавами, он ушел в покои своей наложницы.

Госпожа Чэнь осталась сидеть в кресле, глядя в пустоту с выражением глубокой скорби. Она помнила, как была счастлива в первые годы после замужества. Муж уважал ее, но стоило ей забеременеть первенцем, как в доме начали появляться наложницы. Она остыла душой, перестав ждать чего-то от этого ветреного мужчины, и посвятила себя детям.

А потом, когда старшему было десять, а второму шесть, старая госпожа внезапно увезла ее из столицы, чтобы молиться о благополучии семьи. Она не могла ослушаться и семь месяцев провела в монастыре. Вернувшись, муж принес младенца и сказал: «Отныне он наш третий сын, законный наследник, рожденный тобой».

«Запомни: ты не молиться ездила, а из-за угрозы выкидыша лежала на сохранении. Спустя десять месяцев ты родила его».

Она была близка к безумию! Откуда взялся этот ребенок? Она ведь даже не была беременна!

Сначала Лу Юй оправдывался тем, что это сын старого друга, и она поначалу верила. Но когда весь дом начал носить ребенка на руках, а его внешность стала поразительно притягательной, она засомневалась: разве так пекутся о сыне друга?

Этот мальчишка — плод любви Лу Юя к какой-то лисице!

Думая о том, какое положение занимает этот подкидыш, и сравнивая его с судьбой своих сыновей, госпожа Чэнь чувствовала, как в ней разгорается безумие.

В императорском дворце уже стемнело, но Иньюань-ди всё еще просматривал бумаги. Евнух Ци спросил, кого из наложниц позвать сегодня. Император заколебался: он хотел пойти к Лань Чжаои, но вспомнил, как Лу Юй шестнадцать лет растил его сына, и как завтра он наконец увидит маленького Цзяланя. Лицо Лань Чжаои вдруг показалось ему не таким уж желанным.

— Не нужно, — сказал он. — Пойдем к Императрице.

Лу-ши вышла за него замуж в семнадцать и шестнадцать лет носила титул Императрицы. Ей было тридцать три — возраст расцвета женской красоты. Благодаря уходу она выглядела не старше двадцати с небольшим. Император не питал к ней страстной любви, но глубоко уважал.

После близости Лу-ши, прильнув к нему, нежно спросила:

— Государь, Второму принцу уже шестнадцать, не пора ли заняться его женитьбой?

Иньюань-ди был рассеян, но тут услышал, как она добавила:

— Цзяланю тоже шестнадцать. Интересно, брат собирается женить его на юноше или на девице?

Императрица знала, как сильно государь любит племянника. Тот рос красивым и послушным, и она сама была к нему неравнодушна. Когда государя навещали родственники, он не выпускал маленького Цзяланя из рук. Но с возрастом юноша стал холодным и замкнутым, хотя его красота стала настолько ослепительной, что никто в гареме не мог с ним сравниться. В этом возрасте, когда трудно отличить мужское от женского, Императрица старалась не пускать его во дворец. Все ведь понимали, в чем дело...

Император уже два года не скрывал своей привязанности к Цзяланю. Лучше поскорее женить его и остепенить.

— Мне кажется, тот призер экзаменов неплох, к тому же он юноша. Для Второго принца он не пара, а для Цзяланя — в самый раз. И внешне они друг другу под стать!

— Что за глупости! — засмеялся Иньюань-ди. — Хочешь, чтобы они целыми днями смотрели друг на друга? Со свадьбой Второго принца решай сама, подбери кого-нибудь из знатных семей. А Цзялань... с ним не спеши. У него сложный характер, я сам найду ему жену.

Улыбка на лице Императрицы едва не дрогнула. Это было абсурдно: свадьбу родного сына она решает сама, а судьбу племянника император берет в свои руки? Разве не наоборот должно быть?!

Иньюань-ди повернулся к ней, прижав к себе, и прошептал:

— Не переживай. Врачи говорят, что твое здоровье поправилось. Отдыхай, и у нас еще будут дети. Если нет — обещаю, что любой новый принц, рожденный в гареме, будет отдан тебе на воспитание.

— Благодарю вас, государь, — прошептала Лу-ши, подавляя в сердце горечь. В этом дворце нет ничего важнее собственного ребенка.

Они уснули, прижавшись друг к другу. Иньюань-ди думал о том, что завтра увидит сына, а Императрица молилась о том, чтобы в гареме наконец появился наследник.

Супруги спали в одной постели, но видели разные сны.

...А сможет ли Императрица забеременеть, лучше всех знал сам Иньюань-ди.